

А. Тесля

Русские беседы: уходящая натура

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 122/129
ББК 87.3(2)
Т36

*Рецензенты: главный редактор журнала «Полития»,
профессор Национального исследовательского университета «Высшая
школа экономики», доктор политических наук С. И. Каспэ; зав. кафедрой
философии и культурологии Тихоокеанского государственного
университета, доктор философских наук, профессор А. Е. Бляхер*

Тесля, Андрей

Т36 Русские беседы: уходящая натура / А. Тесля. — М. :
РИПОЛ классик. — 398 с. — (Русские беседы).

ISBN 978-5-519-64066-4

Русский XIX век значим для нас сегодняшних по меньшей мере тем, что именно в это время — в спорах и беседах, во взаимном понимании или непонимании — выработались тот общественный язык и та система образов и представлений, которыми мы, вольно или невольно, к счастью или во вред себе, продолжаем пользоваться по сей день. Серия очерков и заметок, представленная в этой книге, раскрывает некоторые из ключевых сюжетов русской интеллектуальной истории того времени, связанных с вопросом о месте и назначении России, то есть о ее возможном будущем, мыслимом через прошлое.

Во второй книге серии основное внимание уделяется таким фигурам, как Михаил Бакунин, Иван Гончаров, Дмитрий Писарев, Михаил Драгоманов, Владимир Соловьев, Василий Розанов. Люди разных философских и политических взглядов, разного происхождения и статуса, разной судьбы — все они прямо или заочно были и остаются участниками продолжающегося русского разговора.

Автор сборника — ведущий специалист по русской общественной мысли XIX века, старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук БФУ им. Канта (Калининград), кандидат философских наук Андрей Александрович Тесля.

**УДК 122/129
ББК 87.3(2)**

© Тесля А.А., 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64066-4

Содержание

Предисловие	5
Наставник реакции	7
Часть 1. Конец старого мира	21
1. Самоубийство Европы	23
2. Вопрос вины	30
3. Об одном из путей в современность	38
4. Неудобная теория	56
Часть 2. В поисках нового устройства	65
5. О понятии «федерализм» в социально- политических теориях М.А. Бакунина ...	67
6. Федерализм М.П. Драгоманова	96
7. Понятие «национализма» в теоретических воззрениях Вл. С. Соловьева	121
Часть 3. Авторы, издатели и читатели	159
8. Гончаров. «Скучный классик»	161
9. Писарев. В свободе от опыта	186
10. Лавров. Возвращение нравственного: социальная этика	200
11. Розанов	
Усталость	216
«Афорист, мечтатель и вспоминатель мгновений»	224

12. Кристи. Исчезнувшее обаяние	236
13. Дурылин	
О всякой твари	245
Correspondances	250
14. Гершензон. Работа над собой	259
15. Издатели	
Вольф. Русский европейский издатель	268
Сытин. Под портретом чехова	274
16. Трилогия Д.С. Мережковского	
о «будущих судьбах России»	285
17. «Город трагического империализма»	300
Приложения	317
I. О любви к городам	317
II. Петербургское	324
III. Перекресток	332
IV. Thank you very much for your cooperation!	338
V. Жизнь других	347
VI. Двойные речи	352
VII. Объяснение в любви	355
Часть 4. После конца	365
18. Восточный еврей в роли наблюдателя	367
Сведения о статьях, вошедших в настоящее издание	375
Благодарности	379
Библиография	383

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старый мир, европейский мир, закончился в 1914 г. — тогда же, собственно, закончилась и старая Россия. Для нас, правда, 1914 г. оказался затемнен другим водоразделом — 1917-м, но и февраль, и октябрь того года — лишь следствия или, точнее, одно из действий общеевропейской драмы, разыгрываемой с августа 1914-го. В данном сборнике весьма немного сказано о самих этих событиях, но все, о чем в нем говорится, происходит в их тени — в ожидании, переживании, действии. Для одних, как, например, для Бакунина, вопрос был в том, как похоронить этот в корне несправедливый мир — как можно устроить другой способ человеческого общежития. Для иных, как для Драгоманова, речь шла о том, что перемены неизбежны — реальность меняется в самых основаниях: эти изменения можно приветствовать или осуждать, но они есть данность — и, следовательно, вопрос в том, как возможно устроить разумное человеческое сосуществование — не окончательно, но в движении, что придет или что может прийти при достаточных усилиях на смену существующим порядкам. Соловьев сходил с Бакуниным в том, что ожидал решительной перемены, меняющей все рамки нашего существования, — но если для Бакунина корень проблемы был

в том, как можно избавиться от власти (*arche*), как возможна человеческая жизнь без иерархии (и потому антитеологизм был неотъемлемой частью его мысли — до тех пор, пока существует иерархия, пусть только небесная, будет воспроизводиться и иерархия земная), то для Соловьева целью было привести мир в должный порядок, иерархически устроить его: порядок небесный и порядок земной в конце концов должны были прийти в идеальное соответствие, а этот конец виделся в непосредственной близости.

В этот сборник вошли статьи, написанные с 2012 по 2017 г. и опубликованные в различных изданиях. Мне представляется, что несмотря на то что писалась каждая из них по конкретному поводу и в связи с конкретным вопросом, в них есть единство — сообщаемое самим материалом, уходящей или уже ушедшей натурой. Потому я и счел необходимым завершить этот сборник статьей, посвященной Йозефу Роту, — он писал уже «с той стороны зеркала», фиксируя новый мир, но принадлежа тому, который оставался лишь в памяти и в опыте, более ни к чему не применимый.

НАСТАВНИК РЕАКЦИИ¹

Правительствам, наверное, надо что-то пожертвовать безумию нашего века, но ровно столько, чтобы успокоить его и ни в коем случае ему не потворствовать.

Жозеф де Местр

Сделав все зависящее от меня, погрузился я в бесплодное ожидание. *Zaftra* (завтра) — вот страшный пароль сей страны.

Жозеф де Местр — кавалеру де Росси, 14/26.XII.1804

Жозеф де Местр — фигура достаточно известная, однако известность ее ограничивается преимущественно именем да несколькими типовыми фразами

¹ Рец.: *Местр Ж., де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции* / Пер. с фр. А.П. Шурбелёва, предисл. В.А. Котельникова. — СПб.: «Владимир Даль», 2007. — 300 с. — (серия: „Civitas Terrena“).

Местр Ж., де. Религия и нравы русских. Анекдоты, собранные графом Жозефом де Местром и о. Гривелем / Пер. с фр. А.П. Шурбелёва, предисл. В.Я. Курбатова. — СПб.: «Владимир Даль», 2010. — 186 с. — (серия: „ПОЛИС“).

и оценками, передающимися от одного автора к другому. Образованный читатель припомнит, разумеется, его пассаж о палаче и вспомнит его контекст — рассуждение о трансцендентности власти. Он, безусловно, реакционер — и идеолог ультрамонтанства, одна из ключевых фигур в движении католической церкви к I Ватикану. Отечественный читатель вспомнит также, что де Местр — прообраз одного из посетителей салона Анны Павловны Шерер, виконта Мортемара, а вспомнив это, может быть, припомнит и интерес к нему Льва Толстого, внимательного читателя, многое позаимствовавшего из текстов де Местра для «Войны и мира». В целом, однако, для основной аудитории он остается персонажем, лишенным конкретики, судят о нем обычно с чужих слов, и в этой ситуации нельзя не приветствовать появление переводов нескольких его текстов, дающих возможность восполнить безусловно интересный образ.

Граф де Местр приехал в Россию в 1803 г. и пробыл в ней 14 лет, ставших временем его творческого расцвета, за эти годы он напишет или подготовит черне все свои основные тексты, получит признание в обществе и успеет стать влиятельной политической фигурой. Здесь же он собирался и остаться, присоединившись к своему брату, Ксавьеру, перебравшемуся в Россию еще в 1800 г., вызвав семью и определив сына в конную гвардию. Ему и самому предлагали перейти на русскую службу, но это предложение он отклонил — весьма благоразумно, предпочтя влиять в том числе и на русские дела, не становясь подчиненным.

Официальный его статус определялся пребыванием в должности посланника короля Сардинии, однако у короля, которому служил де Местр, не было ни денег, ни армии, ни собственно королевства — он правил лишь милостью британского флота и теми крохами, что удавалось ему собрать со своих подданных и субсидиями британского правительства. Быть посланником державы, у которой практически нет ни сил, ни средств — тяжкая обязанность, которую де Местру удалось исполнить сполна, поставив на службу своему монарху свою известность и влияние, приобретенное силой и остротой ума. Он был реакционером — и одновременно одним из умнейших людей своего времени. Редкость подобного сочетания признавал и он сам: «Читайте историю, г-н Кавалер, и вы увидите, что великие таланты всегда служат революциям, а правая сторона только обороняется, ибо революции не были бы возможны, ежели великие таланты выступали бы против них» (Жозеф де Местр — кавалеру де Росси, 5-6/17-18.VII.1806).

Лишенный возможности опереться на авторитет того государства, посланником которого он был, де Местр избрал единственную реальную возможность оказывать и иметь влияние в Петербурге — свой талант собеседника и интеллектуала. Круг его постоянного общения составляли, в частности:

«...адмирал П.В. Чичагов, братья Н.А. и П.А. Толстые, министр внутренних дел В.П. Кочубей, граф П.А. Строганов, князь А.М. Белосельский-Белозерский, княгиня Е.Н. Вяземская. Список

весьма красноречив: реформаторы из Негласного комитета Кочубей и Строганов¹ соседствуют с ярыми противниками реформ братьями Толстыми. Не менее показательно и пояснение де Местра <...>: „Таким образом я разговариваю с высшей силой“. „Высшая сила“ — это Александр I. Характерно, что „разговаривает“ с ней де Местр не только через проводников правительственного курса, но и через оппозицию. Савойский посланник верно уловил суть политики Александра I — лавирование между противоположными лагерями и стравливание сторонников и противников реформ» (Парсамов, 2010: 248—249).

Де Местр заставлял себя слушать — для петербургского общества он был необычен, как, впрочем, и для любого. Но в Петербурге, в кругу новой знати (а в России она была неизбежно новой, даже если могла в некоторых случаях отсылать к древним родословным²) он производил необыкновенное впечатление.

¹ В.С. Парсамов в данном случае неточен. Де Местр в основном поддерживал отношения с графом А.С. Строгановым, отцом П.А. (в частности, он оставил очень любопытное описание похорон этого екатерининского вельможи).

² Объясняя петербургские реалии графу де Валузу, де Местр писал 23.I/4.II. 1817: «Присовокуплю несколько мыслей, которые я не мог доверить здешней почте. [...] Когда приходится иметь дело с этой страной, тем паче в случаях особой важности, надобно постоянно повторять одно и то же: *чин, чин, чин* и ни на минуту о сем не забывать. Мы постоянно обманываемся из-за наших понятий о благород-